

★ Киргизская Социалистическая Советская Республика. ★

Op4
C56

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Op4

3305(C55)(05)
+ 3305(K17)(05)

СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОВЕТСКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

1945

ОРГАН

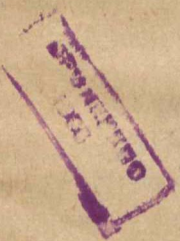
НЦИК и

Н. С. Н. К.

№ 8-9 (11-12)

№ 8-9 (11-12)

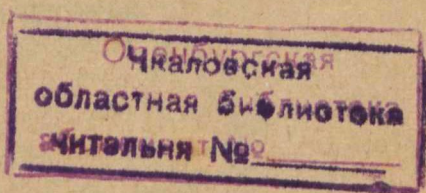
2чс/3340

АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ.

702

Год издания—второй.

Оренбург. ♦♦♦♦♦ 1924.

9/е/14/с/113

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Пугачевское восстание и хан Малой Орды—Нурали.

(По материалам центрального архива КССР).

А. Рязанов.

На обширном пространстве Оренбургского Края*), простирающегося на рубеже Европы и Азии, издавна сходились и перемешивались между собою народы финского, монгольского и тюрского происхождения: башкиры, чувашы, мордва, калмыки и киргизы.

Русские колонизаторы при своем продвижении на восток столкнулись с этими племенами. Около двух сот лет с небольшими перерывами здесь велась упорная и кровавая борьба. Русское самодержавие душило инородческое население, главным образом башкиры, которые упорно отстаивали свою территорию, и свою племенную самобытность от чиновных русских культуртрегеров.

Неоднократно башкиры, выведенные из терпения корыстолюбием и жестокостью царских чиновников, восставали против них с оружием в руках, но всякий раз, после отчаянной борьбы, царское правительство подавляло башкирские восстания. Свирепая, не знающая пощады, расправа над повстанцами временно приводила страну в состояние политического паралича и ужаса. Сотни сожженных русских и башкирских сел, иногда поголовное истребление башкирского и русского населения, тысячи растерзанных в пытках людей оставались памятниками этих восстаний.

Но едва успевали башкиры залечить свои раны и оправиться от погрома, лишь только нарастали в народе активные силы,—непосильные поборы, жестокость, корыстолюбие царских чиновников и откупщиков приводили к новому народному восстанию. И снова в ход

*) В состав Оренбургской губ. того времени входили: Киргизская степь и нынешняя Оренбургская, Уральская, Уфимская, Челябинская, Кустанайская губ. и Бугеевская орда и часть Самарской губ.

пускались пытки, костры, сдирание с живых кожи, подвешивание за ребра, сажание на кол, клеймление, клут, каторга, вырывание ноздрей и проч. зверства русской бюрократической инквизиции и дикая месть башкир.

Однако ничто не могло ужаснуть и остановить этот удивительный народ. „Этот самый плюгавый и неоружейный народ“, по выражению чиновника Кириллова*), „целые годы выдерживал жестокую борьбу с русскими регулярными войсками, казаками, калмыками“, героически умирал среди своих гор и лесов, когда были глубоко затронуты его племенные инстинкты.

Царское самодержавие на нашей далекой окраине боролось не только с одними башкирами. С неменьшей жестокостью и энергией царские воеводы искореняли старые казачьи вольности и преследовали казаков раскольников за их религиозные убеждения. Подобно башкирам, яицкие казаки с оружием в руках восставали против царской администрации, теснившей их демократические учреждения, и против своей продажной войсковой старшины; но всякий раз их постигала та же участь, что и восставших башкир.

Волжские калмыки, спасаясь от притеснений царских приставов и рекрутских наборов, в 1771 г. снялись со своих кочевий с р.Волги и ушли к границам Китая, на свою первоначальную родину.

Таким образом, ко времени восстания Пугачева все население края представляло собою взрывчатый материал, который таил в себе огромные разрушительные силы.

Не менее революционные настроения были среди русских рабочих и крестьян, закабаленных в тяжелой неволе помещиками и заводчиками края.

Когда в 1773 г. в казачьих улусах появился Пугачев, восстание с быстротою молнии охватило все разноплеменные элементы края.

Яицкие казаки, вдохновленные религиозным фанатизмом, первые примкнули к Пугачеву и составили ядро его войска. Лозунг самозванца: „за крест и бороду“ нашел живейший отклик в темных раскольниковых массах яицкого казачества. Они шли за „крест и бороду“, в защиту старых казачьих вольностей против царских чиновников и злоупотреблений войсковой старшины.

Башкиры, калмыки, мордва, чуваша и проч. примкнули к Пугачевскому движению, как они примкнули бы к любому движению, только бы освободиться от своих угнетателей, своих заклятых врагов—царских чиновников, откупщиков, от русских помещиков и заводчиков, врезавшихся в самое сердце их родной земли со своими ненавистными порядками. Они шли отомстить за своих отцов и братьев, погибших на кострах и эшафотах во время недавних восстаний.

Русские рабочие и русские крестьяне шли за Пугачевым на своих бар—помещиков и дворян.

*) Ст. сов. Кириллов первый устроитель Оренбургского края.

Пугачевское восстание, захватившее в свой бурный водоворот почти все население края, однако мало перекинулось на левый берег Урала, на киргиз-кайсацкие степи.

Пугачев засылал в орду свои письма, именуя себя императором Петром III, он предлагал хану Малой Орды Нурали присоединиться к нему, требовал к себе в заложники ханского сына и вспомогательного войска 100 человек. С своей стороны Пугачев обещал хану подарить киргизам во владение яицких казачьих жен и детей.

Одно из писем Пугачева, написанное на татарском языке, хан переслал Оренбургскому губернатору генералу Рейнсдорпу:

„Мы, люди, живущие в степях, писал при этом хан Нурали губернатору,—не знаем, кто сей раз'езжающий на берегу: обманщик или настоящий государь? Посланный от нас воротился, об'явив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая*).

Хитрый ординец, оценив затруднительное положение русского пограничного начальства, пред'явил генералу Рейнсдорпу ряд требований о возвращении аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды невольников.

Во избежание возможных осложнений, генерал Рейнсдорп поспешил удовлетворить пред'явленные ханом требования.

Рейнсдорп при этом писал хану Нурали, что император Петр III умер, что он сам видел его в гробу и целовал его мертвую руку.

Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за это милость императрицы.

Хан Нурали, вооружив большие толпы подвластных ему киргиз, прикочевал по близости к русской границе и выставил свои караулы, ожидая исхода событий, происходящих на русской окраине.

Между тем в настроении киргиз наблюдались весьма тревожные симптомы: они оказывали пограничному начальству некоторые признаки неповиновения. Так султан Айчувак, получив приказ Оренбургского губернатора прибыть с вспомогательным войском к Оренбургу, приказа не исполнил и даже не удостоил генерала Рейнсдорпа ответом.

Впоследствии в переписке с председателем Оренбургской экспедиции пограничных дел хан Нурали писал следующее:

„В бытность от государственного злодея и вора Пугачева возмущены уральские казаки, бывшие на форпостах, походных атаманов умертвили и, прилепясь к злодею, делали немалые пакости; и тогда бывший в Уральском городе комендант Симонов с письмом к нему (хану) присылал татарина Кучуя, извещая, что все уральские казаки сообщались с означенным Пугачевым и так бы и он хан, прилепившись к нему, шел русских калмык рубить. Но он (хан) внушал

*) А. С. Пушкин — История пугачевского бунта. Рычков. — «Осада Оренбурга».

киргизам, что тот Пугачев обманщик и чтоб они не утверждали его и не подвергали себя гибели*)).

Однако „вооруженный нейтралитет“, занятый ханом Нурали по отношению к событиям, происходящим на правом берегу Урала продолжался недолго. Лишь только Пугачев разгромил русские укрепления по р. Уралу и уничтожил их гарнизоны, для киргизской вольницы открылся полный простор для вторжения в русские и башкирские поселения.

Киргизы вспомнили старые обиды, нанесенные им казаками и башкирами, карательные экспедиции русских войск, угон скота, разорение аулов и баранту. Скоро киргизы под предводительством своих батырей ринулись на правый берег Урала.

Набеги киргиз-кайсаков в 1773—1774 г.г. отличались особенной отвагой, они доходили до Новоузенского и даже Казанского уездов и достигали берегов р. Волги.

В своем донесении в Государственную коллегию иностранных дел от 15 ноября 1775 г. генерал Рейнсдорп пишет следующее:

„А как по возмущению известного государственного злодея и самозванца Пугачева весь обитающий здешней губернией Российский и иноверческий народ поколеблен, тогда и они киргиз-кайсаки, узнав отнятые внутренними изменниками к воздержания их воровских нападений способы, паки пустились на такое злодейство, что многие линейные крепости, государственные и помещичьи селения разорили при чем не только скотом, но и увозами Российских людей трех тысяч человек воспользовались. И хотя к утешению неустройства равными труднейшими случаями до трех сот возвращено, прочие и поныне в ордах их киргизских, другие будучи проданы в Бухарию и Хиву в порабощении находятся, о выручении коих оставшиеся здесь отцы и родственники всегда с неусыпным плачем приходят“**).

После ликвидации Пугачевского восстания, русское правительство предъявило хану длинный счет убытков, причиненных киргизскими набегами и потребовало их возмещения.

Генерал Рейнсдорп „сильным образом“ требовал от хана Нурали и султанов выдачи плененных киргизами русских людей и возврата отогнанного ими скота. Но ни хан Нурали, ни султаны не располагали в орде фактической властью, которая могла бы вынудить киргиз-кайсацкие роды к выполнению требований русского правительства.

„Сей грубый и непостоянный народ, доносил генерал Рейнсдорп, не взирая на ханское и братьев его увещевания, не помышлял обра-

*) Дело „Оренбургской Экспедиции“.

***) Дело Оренбургской пограничной экспедиции 1775 г. № 88.

таться к спокойствию и возвращению Российских пленных, а расширяют злодейство свое и воровство до самой р. Волга“.*)

Хан Нурали, „видя усилившееся их плутовство и удачу,“ в январе 1775 г., обратился к генералу Рейнсдорпу с просьбой сделать над киргизскими улусами воинский поиск.

В феврале месяце два русских отряда из трех эскадронов драгун и гусар и 300 Уральских казаков и 500 башкир под командой капитана Мансурова и майора Голуба выступили из под Гурьева и Уральска в киргизскую степь.

По указанию хана Нурали и султанов Айчувака и др. отряды произвели „столь храбрый и достохвальный поиск, что сим образом, почти без всякого здешней стороны урону, не только Российских людей из их воровских рук выручено, да и сей ветренный народ в такой страх привели, что и по ныне чувствуют“.**)

Таким образом, хотя киргиз-кайсацкая орда в целом не присоединилась к Пугачевскому восстанию и не выступила против него, но события 1773—1774 г.г. не могли не оказать влияния на взаимоотношения России и орды. Киргизы воспользовались смутю края, чтоб отомстить казакам, калмыкам и башкирам за прежнюю баранту.

Правительство, в свою очередь, по отношению орды встало на путь репрессий.

В следующем 1776 г., уступая настоянию хана Нурали и султанов, аулы которых тоже начали подвергаться нападениям со стороны непокорных им родов, генерал Рейнсдорп обратился в Петербург за разрешением отправить в степь новые карательные отряды.

Екатерина II, опасаясь, что карательная политика Рейнсдорпа может вызвать новое осложнение на востоке и приведет к открытой войне с киргиз-кайсацкой ордой, высказалась против рекомендуемой им системы умиротворения орды.

„Сей дикий и легкомысленный народ, писала она,—не столько еврешностью, сколько ласковостью и снисходительными поступками уловляем быть может.“

*) Дело Оренбургск. экспедиции 1775 г. № 88.

**) За исключением племянника хан Нурали султана Дусали, который признал власть нового государя и отдал Пугачеву в аманаты своего сына султана Сеидала.

★ Киргизская Социалистическая Советская Республика. ★

Op4
e56

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Op4
3305(C55)(165)
7 3305(C17)(105)

СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ СОВЕТСКО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

1945

3769

№ 10 (13)

ОРГАН

КЦИК и

К. С. Н. К.

№ 10 (13)

ms/3364

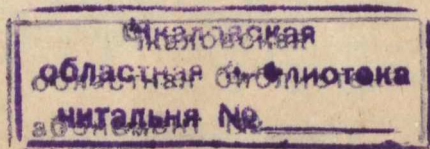

1924Г
ОКТАБРЬ.

Год издания—второй.

РБС

502.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Батырь Сырым Датов.

(По материалам Центрального Краевого Архива).

А Рязанов.

Причина волнений в казак-киргизской орде.

В последней четверти XVIII века Казак-Киргизская малая орда переживала большие внутренние волнения, которые к концу века приняли яркий характер революционной борьбы народной партии против ханской и султанской власти.

По народным обычаям казак-киргизского народа ханская власть была наследственна: она переходила к старшему в роде султану. Но всякий раз избрание хана производилось на всенародном киргизском съезде. Избранного в ханы султана знатные старшины и баи поднимали на белом войлоке, в знак избрания его ханом. Так было до хана Абулхаира, который принял русское подданство в 1732 году.

После хана Абулхаира в 1748 году, русское правительство из благодарности к этому хану за то, что он привел в подданство России казак-киргизскую орду, решило закрепить ханское звание навсегда за султанами его рода. Преемником хана Абулхаира был избран его сын султан Нурали. Это избрание было сделано при поддержке русского правительства с нарушением наследственных прав старшего в роде султана Абулхаира, брата умершего хана.

При поддержке русского правительства Нурали—хан устранил других претендентов на ханское звание и утвердился ханом Малой орды. Он находился у власти в течении почти сорока лет, с 1748 по 1788 год. Имея много врагов в орде, Нурали—хан не мог вести самостоятельную политику, подобно своим предкам. Он постоянно опасался потери своей власти и поэтому, естественно, искал опоры в русском правительстве. Русское правительство поддерживало хана Нурали, но за это требовало определенного курса политики, которая часто шла в ущерб национальным интересам казак-киргизского народа.

Идя путем уступок русскому правительству и проводя русскую политику в орде, в конце концов хан—Нурали превратился в русского чиновника, получавшего содержание из русской казны, правительство вечно грозило хану: если не сделаешь то—то, то не получишь жалованья.

Превратившись в русского чиновника, хан почувствовал безответственность, свойственную царским воеводам того времени, и стал злоупотреблять своей властью в орде. Он был корыстолюбив и несправедлив; притеснял и грабил враждебные его власти киргизские орды и таким образом возбудил к себе ненависть в орде. Наиболее независимый и сильный род Шекты требовал смены Нурали—хана и избрание на его место более достойного.

Проживая вдали от орды около русских границ, Нурали—хан к концу своей долгой жизни потерял всякое влияние на внутренние дела орды. Он был не популярным ханом и не в состоянии был сдерживать враждебных выступлений киргизской вольницы, набегающей на русские границы для обычной баранты. Ханская власть Нурали была бессильна и потеряла всякое значение в орде, что навело русское правительство на мысль об ее упразднении и о замене ее демократическим органом Народного Собрания.

Пугачевское восстание в 1773—1774 г. не прошло бесследно для жизни казак-киргизской орды и вызвало в ней глубокие потрясения. Часть киргизских родов, а именно: Таминский и Табынский роды, во главе с султаном Дусалием призвали „Нового государя“ и перешли на сторону Пугачева. Нурали—хан с Семиродцами остался верен русскому правительству, и на этой почве между ханом и султаном произошли междоусобия, которые впоследствии привели ханскую власть к тяжелому кризису.

Многие киргизские старшины, бии и батыри, будучи недовольны властью хана Нурали и его султанов, вели в орде сильную агитацию против этого хана. Чтобы дескредитировать ханскую власть в глазах русского правительства, они несколько раз разгромили улусы самого хана и заставили его спастись в пределах русских границ.

Во главе этого народного движения против ханской власти выдвинулось несколько сильных личностей. Они происходили из простых киргиз не султанского рода. Это были люди, которые снискали в орде огромную популярность и всеобщее уважение за свой ум, красноречие и военные доблести.

Это были батыри—водители народа. Они не могли примириться с злоупотреблением ханской власти, были ее заклятыми врагами и поэтому, опираясь на массу казак—киргизского народа, начали против ханской власти ожесточенную борьбу. К числу таких народных вождей в конце 18-го века принадлежит Батырь—Сырым—Датов.

Батырь—Сырым—Датов. Батырь—Сырым—Датов происходил из Байбактинского рода. Он состоял в родстве с семейством Нурали-хана и первое время пользовался его покровительством. Это была выдающаяся и талантливая личность, имевшая огромное влияние на массу казак—киргизского народа. Левшин характеризует его так: «Он был че-

ловец с диким, беспокойным, метильным, но сильным характером и с редкой предприимчивостью».

В начале своей общественной карьеры Сырым Батырь поддерживал ханскую власть. По крайней мере во время борьбы хана Нурали с султаном Дусалием (приверженцем Пугачева) Сырым выступал на стороне хана. В письмах Нурали—хана за 1775—76 г. г., адресованных Оренбургскому губернатору мы читаем, что хан Нурали „во все подведомственные улусы послал славного в народе Сырым—Батыря для увещевания киргиз и отвращения их от дурных поступков“ *).

Таким образом Нурали—хан пользуется популярностью „славного в народе“ Батыря—Сырыма для умиротворения орды.

„Прошу сына моего Ишим—султана, пишет Нурали в 1776 году, который мне всегда в совете товарищем находитесь, для доставления ему благополучия рекомендовать его к двору Е. В. Так же и во всех делах моих старателя известного Сырым—Батыря милостью своей не оставить, который мне в повседдашнее время усердно сталася во всех делах помочь“ **). В заключение этого письма Нурали—ходатайствовал перед губернатором за содержащихся в Оренбурге братьев Сырым—Батыря, которых просил отпустить в орду, потому, „что Сырым—Батырь в советах и во всех его ханских делах сильным образом усердствует“. Байбактинский род, во главе которого стоит Сырым—Батырь, по отзыву хана, находится в полном спокойствии и послушании. Таковы отзывы хана—Нурали о Сырым Батыре и его деятельности в период волнений, вызванных во время восстаний Пугачева.

В промежуток времени с 1776 года по 1783 года в делах „Пограничной Комиссии“ никаких сведений о деятельности Сырым—Батыря не имеется.

Сырым—Батырь выступает на арену общественной деятельности в 1783 году.

30 января 1783 года хан Нурали доносит, что к нему чрезвычайно враждебно относится уральский казак Чаганов, который собрав казаков «сверху и снизу» около Тупинской крепости, напал на близь кочующих киргиз.

Нурали—хан и султан Айчувак вынуждены были откочевать со своими улусами к озеру Каракуль, откуда два раза отбили нападения казаков, покушавшихся ограбить их улусы. Против казаков сражался Сырым-Батырь, который схватил казака Чаганова в плен и продал его в Хиву.

В свою очередь Сырым—Батырь был схвачен уральскими казаками близ Тополинского форпоста и был заключен под стражу в городе Уральске. Это произошло в декабре 1783 года. Сырым—Батырь содержался в городе Уральске до апреля 1784 года, до тех пор пока хан Нурали не выкупил его из плена, заплатив 70 лошадей и 350 рублей деньгами уральскому войску, которое употребило эту сумму на выкуп казака Чаганова из Хивинского плена *).

*) Дело пограничной экспедиции за 1775 г. № 88.

**) То же за 1776 г. № 144.

***) Экстракт Оренбург. Экспедиции 1784 г. д. № 117/118.

Первые вы-
ступления
Сырым — Ба-
тыря.

Возвратившись в орду в мае месяце 1784 года Батырь Сырым начал мстить русским за свой плен. 22 июня 1784 года около 300-х человек киргиз напали на рабочую команду, высланную в степь комендантом Илецкой Защиты для сенокосения. Команда имела с собою одно орудие, из которого открыла огонь и отбила нападение киргизов.

Коменданты пограничных крепостей Верхнеозерной и Орской доносили, что киргизы Табынского и Чиклинского рода под предводительством Барака, в Джан-Чуры, Тлян-Чи, Уразбая, Доса и других батырей, собравшись в числе 1800 человек, намерены напасть на русскую сторону, между Верхнеуральской и Илецкой Защитой, где удастся.

26 ноября того же года султан Айчувак доносит, что «вор Сырым—Батырь к нападению на здешние места многолюдною толпою собирается на реке Сагыз».

Ввиду таких сведений, полученных из степи, оренбургское начальство принимает ряд мер к укреплению форпостов. Из города Уральска в низовые форпосты было отправлено 900 казаков.

Сведения, доставленные султаном Айчуваком, были вскоре подтверждены ханом Нурали, который доносил, что Сырым—Батырь и Табынец Барак Тлеянчи собрали до 1000 киргиз на реке Сагыз для нападения на русскую сторону, в виду чего хан перекочевал со своими улусами к реке Уралу. †

В марте месяце 1785 года казак—киргизы под предводительством Табынского рода Тлянчи-Батыря, в числе духсот человек, напали на русские хутора около Рубежинского форпоста и отогнали весь скот и десять человек русских захватили в плен. В происшедшей схватке с подоспевшими казаками 19 киргиз было убито, но киргизы успели уйти в степь с огромной добычей. Казаки погнались за ними в степь и успели отбить часть скота, но за полным истощением лошадей вернулись обратно. Киргизы успели отогнать 1445 лошадей, 757 гол. рогатого скота и разного имущества на четыреста шестьдесят рублей.

Эти события, начинающие принимать серьезный характер, убедили русское правительство в том, что в казак—киргизской орде начались какие то крупные волнения. Наконец Нурали хан донес следующее: «известный плут Сырым-Батырь из своей злобы к хану в народе сделал возмущение и приобща подобных себе глупцов, взвел намерение, чтобы производить при границах шалости, о чем от его хана, тогда же сюда донесено было с тем, что унять ему хану никак не возможно и требовано, что-б ради усмирения их, в те места, где они, плуты, пребывание имеют, послать войско.“*)

Посылка в степь русских отрядов. Ввиду серьезных волнений, обнаружившихся в киргизской степи, пограничные русские крепости стали перед угрозой киргизских нападений. Пограничное начальство испросило разрешение правительства послать в киргизские степи воинские отряды, чтоб наказать киргиз-кайсаков за их „продерзость“. В январе

*) Экстракт Оренбургской экспедиции 1784 г. л. № 117/118.

месяце 1785 года председатель военной коллегии князь Потемкин дал разрешение послать в степь корпус регулярных войск для наказания киргиз.

Хан Нурали ходатайствовал о скорейшей посылке в степь русских отрядов.

„Исполняя издревле учиненную присягу из усердия моего, писал хан,—в минувшем январе доносил я, что воры Сырым—Барак и Ду-сали султан и сын его Сеидали, подговоря себе подобных плутов, на стоящие селения нападение сделали почему отправление войско умедлилось? Ибо они плуты сильною рукою от того от-вращения не будут, то других средств к удержанию их нет.“*)

Было ясно, что хан Нурали испытывал полное бессилие и не распалагал никакими средствами для умиротворения орды и «приведе-ния в чувство посредством ближнего начальства» Сырым Батыря и его соподвижников.

По распоряжению Оренбургского обер—коменданта в городе Оренбурге был сформирован корпус генерал—майора Смирнова, в со-став которого вошли 237 оренбургских казаков и 2432 башкир при двух орудиях. 17 февраля 1785 года корпус Смирнова выступил в степь по направлению к верховьям реки Илека. 3 Марта отряд поднялся вверх по Илеку на 80 верст и нигде не встретил киргиз. В степи на-чались сильные снеговые бураны. Войска Смирнова потеряли массу лошадей и вынуждены были повернуть обратно. 25 Марта он с боль-шими лишениями добрался до ст. Ильинской. Трофеями этой экспеди-ции в степь были 66 киргиз, захваченных в ближайших мирных аулах, из числа которых 43 были женщины и дети и только тринадцать че-ловек взрослых мужчин и старик эв. Башкиры разоряли мирные аулы киргизов, о чем доносил генерал Смирнов, говоря, что „никак их от гра-бежа удержать не мог.“

Одновременно с посылкой в степь корпуса Смирнова из города Уральска был выслан отряд из 1250 казаков, под командой войсково-го старшины Колпакова, при двух орудиях. Выступив 16 февраля че-рез ниже-уральские форпосты, отряд Колпакова направился к устью Эмбы, имея задания разгромить «гнездо» Сырым-Батыря. Прибыв к месту назначения, Колпаков не встретил там киргиз: они откочевали далеко за реку Эмбу, куда путь был весьма труден, так как не было ни воды, ни снега, ни кормов.

Между тем получились сведения, что казак-киргизы Байбактин-ского, Китинского, Чектинского, Табынского, Чертыжского, Тазларско-го родов составили большие вооруженные отряды, с целью встретить и отразить русский отряд. Под предводительством Сырым Батыря бы-ло 2700 человек; Барак Батырь имел 2000 человек и Клянчи Батырь 1500 человек. **)

*) Экстракт Оренбургской экспедиции 1784 г. д. № 117/118.

**) То же.

Ввиду изложенных обстоятельств отряд Колпакова повернул обратно. В полавшихся по дороге аулах он набрал 213 мирных киргиз, из которых взрослых мужчин только 14, а остальные—женщины и дети.

Таким образом высылка в степь карательных воинских отрядов Смирнова и Колпакова не дали никаких результатов, потому что киргизы, заслышав приближение русских уходили с своими кочевьями в глубь беспредельных степей.

По возвращении русских отрядов на границы, Сырым-Батырь сам перешел в наступление.

В конце марта его отряды появились вблизи уральских форпостов. Казак-киргизы атаковали Антоньевский и другие форпосты и Сахарную крепость*) Казаки заперлись в крепостях и отбивались от киргиз ружейным и артиллерийским огнем. По донесению войсковой канцелярии Уральского войска они „расстреляли весь порох и свинец“.

При появлении Сырым-Батыря вблизи русских границ к нему присоединился сын Айчувака—султана Апак с пятью стами киргиз Ачебековского рода. Сырым сжег все продовольственные базы на пограничной линии, но самих форпостов взять не мог, и удалился в степь, захватив весь скот приграничных жителей.

По удалении Сырым-Батыря в степи—для наказания киргиз, состоящих в ведомстве султана Айчувака, которые присоединились к Сырым-Батырю, по просьбе хана Нурали, был послан с командой казаков премьер майор Назаров. Казаки отогнали табуны султана Айчувака и избили при этом сына султана Джантюри и его пастухов. Всего было отогнано у султана 2124 лошади**).

В апреле месяце походный атаман уральского войска Михайлов задержал послов султана Игизгали, сына хана Нурали, с письмом адресованным султану Айчуваку. В этом письме Игизгали писал Айчуваку, что войсковой канцелярией и атаманом Акутиным получен приказ о посылке в степь русского отряда для разорения казак-киргизов Ачебекского рода, за участие в толпах Сырым-Батыря при нападении на Сахарную крепость. „Садитесь на конь, пишет султан, а скот держите в руках, я сегодня по приказанию ханскому отправился вниз для того, что там березцы разорены российскими людьми, именно Джанек-Алдар-Теляк; взято женского полу и детей сто, лошадей шесть тысяч, верблюдов сто пятьдесят***).

Перехваченное письмо послужило поводом для уральского войскового начальства к аресту обоих султанов. В начале апреля месяца султан Айчувак и Игизгали по приказанию оренбургского обер-коменданта были схвачены войсковым атаманом Акутиным. Аулы их разорены. У султана Айчувака казаки отогнали 5357 лошадей. Оказавший сопротивление отряду сын султана Айчувака Апак был убит.

*) На Нижнеуральской линии.

**) Экстракт Пограничной Экспедиции 1786 г. д. № 117/118.

***) Там же.

Репрессии русского правительства по отношению улусов Айчувак султана и арест самого султана произвели огромное впечатление в ханских аулах. В результате враждебных действий Сырым-Батыря пострадали не приверженцы Сырыма, а приверженцы хана Нурали, который был сторонником русского правительства.

„Киргиз-кайсаковский народ, писал по этому поводу Нурали-хан, — весь отделясь от меня кочевьем своим ушел вверх по реке Уилу, к вершинам реки Эмбы и далее с тем, что они разумеют, то и делать будут. А плуты Сырым и Тлянчи с товарищи кочевья их имеют при реке, стоящей не подалеку Эмбенских вершин, называемой Темыр. Я же с детьми и фамилией в немногом количестве людей моих, держа издревле учиненную мною присягу, не следую им, до получения о том уведомления предостерегся и нахожусь при реке Калдагайды*).

«За что разорен султан Айчувак? Сын его по какой причине убит? Киргизы, все приписывая мне и хуля меня, приговаривают, якобы я, полагаясь на россиян, желаю их всех разорить, отложась от меня ушли.“... заканчивает свое скорбное донесение хан Нурали**).

Таким образом хан Нурали остался совершенно одинок со своими немногочисленными сторонниками. Вся казак-киргизская орда откочевала в глубину степей под покровительство своего нового вождя Сырым-Батыря, который объединил ее для борьбы с русским правительством и ханом Нурали.

5. Упразднение ханской власти В это время начальником Оренбургского края был генерал поручик О. А. Игельстром. Игельстром был ревностный поклонник нового административного деления края, проектируемого императрицей Екатериной II. Сущность этого строя заключалась в том, чтоб разделить казак-киргизскую орду на три части, в которых завести особое управление из лиц киргизской выборной администрации. Для этого было необходимо упразднить ханскую власть. Выступления Сырым-Батыря и плачевное положение Нурали-хана убедили Игельстрема в полном крушении ханской власти, чем он не замедлил воспользоваться.

В половине 1785 года барон Игельстром обратился с особым воззванием к старшинам и биям Малой орды, призывая их к спокойствию и миру с Россией. Для разрешения всех важнейших народных дел, Игельстром разослал им приглашения съехаться на народный съезд. На это собрание не был приглашен ни хан Нурали, ни один из султанов.

Родовые старшины и бии откликнулись на призыв начальника края и в огромном количестве прибыли на народный съезд.

Руководителем народного собрания был избран Сырым-Батырь.

Как убежденный противник ханской власти, Сырым выступил против хана и стал доказывать, что ханская власть не только не нужна но и вредна для спокойствия казак-киргизского народа. Он внес пред-

*) Экстракт Оренбург. Пограничной экзепедиции д. № 117/118.

**) Там же.

ложение передать в орде власть народному собранию и навсегда упразднить ханскую власть.

Народное собрание с большим энтузиазмом приветствовало выступление популярного вождя и единогласно постановило упразднить в орде ханскую власть.

Народное собрание присягнуло на верность русской императрице и обязалось прекратить междоусобия орды и набеги казак-киргизов на русские границы. С своей стороны народное собрание поставило условие, что никогда ни один султан из дома Абулхайра не будет ханом малой орды.

Барон Игельстром, как представитель русского правительства дал народному собранию обещание, что больше хана в малой орде из дома Абулхайра не будет.

Екатерина II отнеслась очень сочувственно к упразднению ханской власти в орде, но предлагала действовать осторожно. В своем указе Игельстрему от 27 ноября 1785 года она говорит, что в интересах России выгодней разделить орду на роды, которыми будут непосредственно управлять родовые старшины и бии, подчиненные начальнику края, помимо ханской власти.

Чтоб укрепить русскую власть в казак-киргизской орде, Екатерина II приказала начальнику края убедить казак-киргизских старшин „отделить некоторое количество людей из каждого рода на службу, как для хранения границ, так и для обеспечения их самих, которые будут пользоваться жалованием от казны, наравне с прочими регулярными войсками, а по мере их усердия, исправности и воздержания от своеволия, они старшины, особые выгоды получить могут. Потребно однако—продолжает императрица, тут осторожность, чтоб сей народ не взмнил, по легкомыслию их, что их в службу выбирать и неволею принуждать к тому будут“.

На случай, если эта реформа в орде не удастся, Екатерина приказывала наметить среди султанов достойного преемника хану Нурали, а самого хана Нурали задержать на границе и отправить на местожительство во внутрь России.

Согласно распоряжения императрицы 3-го июня 1786 года хан Нурали был вызван в город Оренбург, здесь его задержали вместе со свитой и с сыновьями Бек-Галием и Артук-Галием, некоторыми старшинами и прислугой и отправили на жительство в город Уфу.

После этого аулы хана Нурали были ограблены приверженцами Сырым-Батыря и все сторонники хана от него отложились.

6. Новый порядок в орде. Борьба султанской и народной партий. После ссылки хана Нурали в Уфу пограничное начальство было очень озабочено устройством нового порядка в орде.

Не смотря на огромное влияние Сырым-Батыря на казак-киргизский народ, который как представитель народного собрания являлся носителем высшей власти в орде, традиции ханской власти были все еще очень сильны. Против Батыря Сырыма выступила султан-

ская партия, которая повела сильную агитацию за восстановление ханской власти.

Султаны, благодаря своему богатству, имели очень сильное влияние на казак-киргизов. Таким образом в орде определилось два течения, две партии. Партия Сырым-Батыря, стоявшая за упразднение ханской и султанской власти и партия султанов, стоящая за восстановление ханской власти.

Народная партия Сырым-Батыря к моменту свержения ханской власти была очень многочисленна и активна. Своими действиями против русских границ она вынудила у русского правительства уступки, именно, свержение хана. Активное ядро этой партии составляли родовые старшины, бии и батыри, не султанского (т. е. не дворянского) происхождения, которые находили, что во главе управления народом должны стоять личности, облеченные доверием самого народа, а не султаны, которым до сих пор принадлежала власть, по праву рождения. Это была киргизская демократия.

Султанскую партию составляли султанские роды. Эта партия имела очень сильную поддержку Средней орды, где влиятельный и сильный султан Худай-Менды и Вали-Хан были за восстановление в правах хана Нурали, о чем и ходатайствовали перед русским правительством. Они напоминали о заслугах Абулхаир хана, который был инициатором подданства казак-киргизских орд России, и настаивали, что ради заслуг отца, Нурали-хан должен остаться ханом Малой орды.

В это время Средняя орда еще не изжила традиций монархической власти, которую установил там могущественный и энергичный хан Аблай, приемником которого был хан Вали.

Русское правительство в это время было против восстановления ханской власти. Оно не могло забыть того обстоятельства, что часть киргизских султанов во время Пугачевского восстания примкнула к самозванцу, а ханская власть была настолько слаба, что не могла восстановить порядка в орде и прекратить казак-киргизские набеги на русские границы.

«Выбор нового хана мы столь не выгодно находим, писала по этому поводу Екатерина II, как и начальство нынешнего, а посему советовать им, киргизам для доброго порядка правления, состоящие в их же лучших старшин главнейших родов, а когда домогаться станут, выбрать хана, то внушить им, покуда настоящий жив, неудобно к тому приступить».

Борон Игельстром по всем делам управления ордой сносился с Сырым-Батырем. В орде установилось совершенное спокойствие. Набеги казак—киргизов на русские границы прекратились.

Для административного управления орда была разделена на три главных поколения: Алимулинское, Байулинское и Семиродское. Для управления каждым поколением были учреждены расправы, состоящие из старшин и письмоводителя, которым было назначено содержание из русской казны.

Расправы должны были ведать все судебные, административные и полицейские функции орды.

При генерал-губернаторе были учреждены особые должности киргизских старшин, через посредство которых он мог бы сноситься с расправами.

Однако вскоре выяснилось, что султанская партия не захотела сдавать своих позиций без боя и отказаться от привычной власти. Снохождение орды было кратковременно. Наиболее активные члены султанской партии вооруженной силой выступили против правителя орды председателя народного собрания Сырым-Батыря.

К числу наиболее видных членов султанской партии принадлежали брат хана Нурали султан Эрали, Каракалпакский, и сын хана султан Пирали, бывший в то время Туркменским ханом.

Султан Эрали взял Сырым-батыря в плен.

Народная партия, потерявшая своего вождя, заколебалась. Часть народного собрания стала высказываться за восстановление в орде ханской власти. Этим обстоятельством воспользовались приверженцы султанской партии и стали настаивать перед правительством о возвращении в орду хана Нурали. Другая часть народной партии, во главе которой стояли старшины шекты, признала ханом султана Каипа, бывшего Хивинского хана.

Между тем Батырь-Сырым дал обещание султану Эрали вернуть все имущество, захваченное им в аулах хана Нурали, и получил за это свободу. Он снова появился в орде, но уже прежнее его значение было сильно подорвано.

В 1787 году Россия вела войну с Турцией. Поэтому случаю турецкий султан вел сильную агитацию в средне-азиатских странах о выступлении мусульманских народов в союзе с Турцией против России. В Бухару прибыли эмиссары турецкого султана, чтоб склонить эмира к войне с Россией. Бухарский эмир разослал в орду воззвания, призывая казак-киргизов к выступлению против России.

„Храбрым воинам биям и старшинам Сарытай Бию, *Сырым-Батырю* и другим мир и благословение, а потом наше слово. Слава вышнему богу. По милости его святой все наши дела текут благополучно. Одна только у нас скорбь, недавно от православного турецкого государя, наместника божия, прибыл к нам посол с грамотой, извещающею, что неверные россияне со всех сторон собирались и соединясь с семью европейскими державами против турецкого государя выступили в поход. А как вы живете к россиянам ближе, нежели мы, и следовательно сражаться с ними умеете лучше нас, то мы предлагаем всем рабам божим и последователям Мухаммеда, уповающим на ходатайство пророка нашего, соединиться с войском турецким делами и духом и отправиться на поражение неверных, за что великую мзду получить можно. И если же кто в том походе упустит нанести неверным возможный удар, тот имеет опасаться от бога жестокого гнева, и на ходатайство пророка нашего не уповаеет.“

«Если же Вы, народ казачий, имея возможность исполнить наше предложение оставите оное без исполнения, то сделаетесь на сем свете изменниками богу, а в день воскресения будете гореть в адском огне. И ежели бы мы сей истинны вам не предложили, то сами заслужили бы в сем свете название неверных, а в будущем подвергли бы себя вечному огню».

Послание Бухарского эмира было зачитано на большом собрании старшии Алчинского, Кинекейского и Каракисеякского родов, которые выслушали его очень сочувственно и высказались за войну против России. Только старшины Джагал-байлинского рода высказались против войны. Сырым-Батырь ответил послам Бухарского эмира, что он согласен выступить войной против России только в том случае, если с ним в союзе будет Бухара и другие среднеазиатские ханства.

О переговорах Сырым-Батыря стало известно генерал-убернатору Игельстрему, который заподозрил Сырыма в измене и лишил его всякого доверия. С этого момента начальник края перестал сноситься по делам с батырем Сырымом. Обиженный Сырым предпринял снова ряд нападений на русскую пограничную линию.

Между тем новые учреждения для управления делами орды—расправы не оправдали тех надежд, которые возлагало на них русское правительство. Казак-киргизы не являлись для суда во вновь учрежденные суды, а продолжали по-прежнему обращаться к своим биям.

Барон Игельстрем, желая оживить деятельность правительственных учреждений в орде, требовал от них отчетов и сводок о заслушенных делах и вообще о проделанной работе. Расправы выдумывали дела, чтоб показать свою деятельность. Плодилась большая и ненужная переписка, а между тем правительственные учреждения были совершенно излишни и не нужны для казак-киргизского народа.

Таким образом новый порядок в орде не удался. Реформы, надуманные русским чиновником, совершенно не знакомым с внутреннею жизнью орды и родовыми взаимоотношениями, потерпели полный крах.

Султанская партия воспользовалась положением и начала свою атаку против народной партии.

В городе Оренбурге проживала княгиня Той-Кара, дочь хана Нурали. Она была замужем за киргизским чиновником Нурмухамед-Хожеем, который занимал должность султана заседателя в пограничном суде. Той-Кара жила постоянно в городе Оренбурге. Она побывала в столицах, усвоила светскость, но одевалась в национальный костюм. Старый барон Игельстрем пленился киргизской красавицей. Султанская партия стала действовать через Той-Кару, добиваясь восстановления ханской власти в орде. Сторонники султанской партии возобновили свои настойчивые домогательства о возвращении хана Нурали.

В августе месяце 1790 года султан Эрали прислал следующее письмо Оренбургскому обер-коменданту: «Россия упускает время, умножая плутов киргиз-кайсаков, яко скот, и при этом их взбешивая, и что бы всей орде покой доставить, то непременно дать высокочтимому Нурали-хану повеление возвратиться в степь и выпустить его через

Урал-реку от того места, которое против пребывания их (султана) на ходится. После возвращения хана Нурали в орду султан Эрали ручается, что порядок в орде будет быстро восстановлен.

Но надеждам султанской партии не суждено было осуществиться. В конце августа 1790 года Нурали хан умер в Уфе. Пограничная экспедиция разослала об этом во все роды извещения, в которых говорилось, что хан похоронен по мусульманскому обряду.

Послание о смерти хана было прочитано на большом собрании в орде, на котором присутствовал и Сырым-Батырь. Собрание настаивало чтобы Сырым-Батырь покорился Ишим султану, кототый был намечен многими родами, как будущий кандидат на ханское звание. Киргизские старшины говорили Сырым-Батырю, чтобы он „от управления ханских детей не отдалялся“.

На одном из небольших собраний казак-киргизских старшин Ишим султан, сын хана Нурали, был поднят на белом войлоке и провозглашен ханом Малой орды.

7. Восстановление ханской власти и борьба с нею Сырым-батыря.

Заместитель барона Игельстрема генерал-Пеутлинг решил восстановить в орде ханскую власть и представил на утверждение в ханы Эрали султана.

23 Августа 1790 года генерал Пеутлинг прибыл в город Орск, где была назначена церемония новых выборов хана. 31 августа киргизские старшины собрались на реке Орь, в шестнадцати верстах от города Орска. На место выборов прибыл генерал Пеутлинг с отрядом войск и объявил, что вследствие повеления императрицы в ханы должен быть избран султан Эрали „не взирая на несогласие“ казак-киргизского народа.

Выборы хана состоялись. Сырым-Батырь, прибывший было на собрание старшин, увидев такой оборот дела, заявил протест, что он не признает нового хана *и удалился в степь.

Новый хан просил разрешения проживать на реке Сыр-Дарье, но начальник края потребовал, чтоб он „для лучшего приобретения любви и доверия народа“ не удалялся от русской границы.

Для управления ордой в помощь хану был избран Ханский совет под председательством султана Айчувака, состоящий из шести членов старшин, по два от каждого поколения.

Эрали хан был избран русским правительством вопреки воли большинства казак—киргизского народа. Народная партия в лице Сырыма заявила, что она не признает нового хана.

Главный старшина Алимудинского рода Мурат—бий и родовые старшины по поводу избрания Эрали в ханы прислали Пеутлингу следующее письмо:

«Генерал с Эралием, сделавши свидание, произвели его в ханы, не дождавшись нас и других родов, быв только за три дня, что учинили против общего постановления, при чем с прежними ворами соединясь, для разорения общества союз заключили. И тако не можете на нас негодовать, ибо мы вышли из терпения и мвим, что от преж-

них (султанов, будет нам великое разорение... словом сказать, прочих родов старшины и бии имеют чувствительное неудовольствие» *).

Сырым—Батырь для борьбы с вновь назначенным ханом примирился с сыновьями бывшего хивинского хана Каипа султанами Абгулгази и Бурмаком и с некоторыми другими родами, кочующими близ побережья Аральского моря.

Из казак—киргизской стени снова начали поступать сведения о военных приготовлениях Сырым—Батыря.

29 марта 1791 года уральский войсковой атаман Донсков получил от Ишим султана перехваченные письма Сырым—Батыря к казак—киргизским родам.

Вот что писал Сырым—Батырь.

„Как письмо сие до рук ваших дойдет, так со всеми улусами откачивайте к горе Мугоджару. В течение всей зимы, жалея качующих по Уралу и Каракулю и малолетних наших детей, на конь не сажались, в рассуждение того, что ежели оное учинили, то самим нам и скоту нашему приключилось бы чувствительное зло. Теперь, если господь бог допустит, мы однако на конь сели сим летом, хотя бы и жарко было, и зимою, хотя бы и холодно было, жалеть себя не будем. Итак, при теперешнем зимнем положении и холодными днями к горе Мугоджару кочевьями поспешайте, а кто останется, у того лошади и прочий скот отнят будет.

„Располагающиеся по сию сторону Сыр—Дарьи в урочище Бу—зачи киргизы все под руководство мое согласились стать. Ежели я воевать или мирно находитесь буду, то они тому последовать будут. То б и бии и батыри, находящиеся мирно, на конь сажались и нас бы в верху озера Каракуля искали“ **).

Это письмо было адресовано биям и батырям Кнычского, Табынского и Кейдалинского родов.

От русских татар, находящихся на должностях письмоводителей расправ в орде, которые являлись шпионами и осведомителями русского правительства, стали получаться тревожные донесения о серьезных волнениях среди киргиз.

По призыву Сырым—Батыря казак—киргизы откочевали от русских границ в даль степей на предполагаемый большой народный съезд. К русским границам двинулись отдельные толпы киргиз под командой батырей для нападения на мирные поселения.

В первых числах июня заседатель Байулинской расправы Суфрабий донес, что весь Байулинский род откочевал к Сыриму, а на месте прежних кочевий остались лишь улусы Ишим султана.

Мулла Абдул—Гаямов донес из орды, что „Сырым условился со старшинами задержать торговые караваны, народ по приказу Сырыма упражняется в перекачевке“.

К русской ливии из стени направились отряды: с реки Хобды—Китянского рода 300 человек и Джагал—Байушинского рода 1000 че-

*) Дело об избрании Эрали хана 1791 г. № 228.

**) Дела Оренб. Пограничн. экспедиции за 1791 г. № 227 лист 96.

люди киргиз. „Слышал я, доносит мулла, что киргиз кайсакекие старшины между собой говорят: ежели хан будет из детей Абулхаира, а при нем Сырым Батырь советником, то может быть орда покой найдет, а инаково оная отнюдь покойна не будет“ *).

Посланный в степь для изучения настроения орды чиновник Нур-Мухамед-Хожа донес: „у Сырыма был, от худого его предприятия отворачивал. Однако Сырым ответил, что от своего предприятия отстать не может“.

Алимулиевского рода старшины и бии Каракубек-бий, Джиназар-бий, Семиродского-Атленчи батырь, Тляк-бий, Джаныбек-бий, Байулинского Суфра-бий, Турман-бий, Базар-бий с киргизами выехали „на злодейство“ к русским границам.

Чум—ичик—Табынского рода пятьсот человек выехало в сторону России **).

Мулла Сейтов доносит из орды, что киргизы беричцы, черкесцы, танинцы, байбактинцы, адайцы находят, что им грозит гибель, если они оставят свои кочевья по реке Уралу и удалятся к Средне-азиатским владениям.

В течение лета 1791 года на целый ряд пограничных крепостей были сделаны киргизские нападения: на Илецкую Защиту, на крепости Озерную, Гирьяльскую, Красноярскую, Верхне-Кизильскую.

Из перечисленных выдержек из донесений султанов, мулл и татар—письмоводителей и комендантов крепостей видно, что волнение Сырым-Батыря охватило всю казак-киргизскую степь от берегов реки Урала до западных берегов Аральского моря и до реки Сыр-Дарьи.

Мирное предложение Русского правительства Сырым-Батырю Восстание Сырым-батыря, принявшее грандиозные размеры, причиняло пограничному начальству очень сильное беспокойство. Борьба с восстаниями киргиз, путем посылки в степь карательных отрядов, как показал недавний опыт, не давала им никаких положительных результатов. Поэтому Оренбургский обер-комендант генерал-фон-Трейден решил воздействовать на Сырым-Батыря путем подкупа.

В июне месяце в киргизскую степь были отправлены два татарских муллы Файткулин и Мансуров для увещания Сырым-батыря и для вручения ему подарков „от русской императрицы“.

9 июня муллы прибыли в улусы главного старшины Алчинского поколения Суфры-бия на реку Хобду. Здесь они узнали, что Сырым-Батырь находится у Чиклинцев «для совету и ради учинения об ордынских обстоятельствах положения».

26 июня муллы прибыли в улусы Сырым-Батыря и вручили ему подарки, в запечатанном ящике.

Сырым-созвал собрание киргизских старшин, на котором объявил, что от русской императрицы присланы подарки. «Мы должны принять присланные награждения с благодарностью, сказал им батырь Сырым

**) Там же Л. 170.

***) Там же Л. 173.

в каком бы ни было положении, т. е. в тишине или в беспокойствии будучи, а буде таким образом принять не можете то на меня не жалуйтесь».*)

Старшины стветили, что они жалобы не имеют, а так как награждение прислано Сырым-Батырю, то пусть он его и принимает. После этого Сырым принял подарки.

Прибытие русских послов с мирными предложениями и с подарками от императрицы возвысили в глазах орды значение Сырым-Батыря. Он обратился к биям и старшинам, приверженцам султанской партии со следующим воззванием:

Хотя вы в надежде на господина вашего (т. е. хана Эрали) на меня жаловались, однако я на ту вашу жалобу недовольствия не имею, следовательно оную терплю. Известно вам да будет, что от государыни получен мною указ, что ордынское правление поручено мне, а притом и многие подарки присланы, да и на волю мою отдано, кою бы я занем учинил. Из Средней орды прислан нарочный да и Меньшой орды всех трёх родов (поколений) киргизы в руки мне достались, которых с тем мне подчинил государыня, хотя я их и воевать заставил. Хотя от государыни и повелено быть в тишине, однако, если обществу нашему тишина полезна, то—в оный, а буде война полезна, то в ней пребуду. Имея общественное обхождение и согласие, а ненависти в сердцах наших не иметь и вере нашей предосуждение не делать.

знаком же вашего ордынского присоединения может быть то, что вы на торгах (в Россию) ехать не позволите и улусы в близость (к русской границе) перекачевать не позволите. А буде на торг ехать и улусам перекочевать позволите, то наше общество недовольно может и на последок вы на нас не пеняйте.**)

В этом послании Сырым-Батырь выразил основную платформу казак-киргизской народной партии, которая стремилась к объединению всех родов орды, к восстановлению полной политической независимости народа и полной свободы в вопросах выбора хана.

Из дальнейших сведений, полученных из орды, было известно, что Сырым-Батырь раз'езжал из кочевий одного рода в кочевье другого, вел переговоры с каракалпаками, туркменами, Хивой и Бухарой о совместном выступлении против России. Каракалпаки обещали для этой цели выставить отряд в две тысячи человек. Бухарский эмир Бучиджан намерен был послать 17.000 человек.

Приехавшие из Хивы муллы раз'езжали по аулам и разжигали среди киргиз религиозный фанатизм, возбуждая их к войне с неверными. Они говорили о том, что тот, кто «помрет в тяжбе с неверными будет причтен к числу мучеников». Они призывали, чтобы киргизы «с Сырымом не разделялись и на законные от него поступки вместе обращались, хотя бы к войне или к миру»***).

*) Дело пограничной Экспедиции на 1791 г. лист 227 д. № 213.

**) Дело Оренбургской пограничной экспедиции 1791 г. № 227, лист 213—320.

***) Там же.

Насколько имела силу эта пропаганда, действующая на все стороны души казак-киргизского народа: национальное самолюбие, религиозный фанатизм и, наконец, честолюбие, видно хотя бы из некоторых писем, адресованных Сырым-батырю. Тляп старшина пишет, что он с ним не разлучится: „ибо оставя брата своего, какого хана, какого султана искать? Клятва на российской стороне осталась“...*)).

10 июня 1792 года от главнейших старшин многих казак-киргизских родов и в том числе от Сырым-Батыря было прислано начальнику края следующее представление:

„В то время, когда киргиз-кайсацкий наш народ к российской государыне в подданство вступил, когда господином поручиком бароном Игельстромом сделали мы контракт, или договор, что из людей Абулхаир хана в ханы не производить и биям всем жалование выдавать, только во-преки того года три некоторым жалование не выдается, а также происшедшие между нами уральского городка с войсковым атаманом Донсковым обстоятельства к е. в. донесено, а также из Абулхаировых хан произведен. Киргизский наш народ бытjem хана Эрали недоволен, ибо он, по старости его Эралиевой, тщания, остроумия и верности быть весьма не уповае, почему происходимые между нами разного рода ссоры и претензии порешить не может и через то народ наш по тем своим ссорам и претензиям подвержен быть может чувствительному озлоблению. Итак, мы все вышешисанные бии с подчиненными народами просим, дабы повелено было для представления нашего е. в. о том, того нам в ханы произвести, кого мы за достойного признаем, отправить способных и хороших людей**).

Таким образом из этого послания можно заключить, что и бии и старшины и Сырым-Батырь в конце концов уже ничего не имели в принципе против ханской власти, но лишь только настаивали на том, чтоб им была предоставлена свобода в выборе хана и просили отправить их депутацию с таким представлением к самой императрице.

Но по свойственной русским бюрократам тупости, генерал—Пеутлинг, получив это письмо, нашел его дерзким и преступным вымыслом. Он ответил старшинам, что в делах пограничной экспедиции нет никаких письменных актов о том, что барон Игельстром обязался не ставить ханов из детей Абулхаира.

„Так как хан Эрали избран с соизволения е. в. всей Меньшей ордой, писал Пеутлинг, то „почитая хана Эрали, наслаждайтесь блаженной жизнью для вас устроенной, опасаясь всемерно противно тому дерзновенными поступками подвергнуться неминуемому и страшному е. в. гневу“.....

Очень внушительно звучит в устах начальника края это «наслаждайтесь», „опасаясь подвергнуться неминуемому и страшному гневу!“

*) Дело о Киргизских продерзостях 1792 г. лист 243.

***) Там же

**Возобновле-
ние военных
действ. Сыры-
мом и убий-
ство Ишима.** В сентябре 1792 года Сырым батырь об'явил войну России и начал свои военные действия. Он прислал генералу Пеутлингу сказать, что будет нападать на русские границы два раза в году: во время сенокоса и когда замерзнут реки, что он заставит киргиз отказаться от султанов и откочевать от русских границ.

29 Сентября 1792 года Сырым-Батырь во главе отряда 1000 киргиз атаковал крепость Илецкую Защиту и поджег ее с разных сторон. Однако крепость ему взять не удалось. В том же году он атаковал Калмыковскую крепость и тоже безрезультатно.

По всей границе казак-киргизской орды начались беспорядки. Киргизы нападали на русские линии, отгоняли скот, уводили людей. Такое тяжелое положение продолжалось в течение 1793 и 1794 года.

Русское правительство не в силах будучи бороться с киргизами, издало распоряжение по линии, в котором говорится следующее: «не видя прекращения воровских киргизских набегов и других способов, как делать в свое время таковым своевољеством взаимные захваты» Таким образом русское правительство санкционировало взаимную баранту или взаимный разбой и убийство между русским населением и казак-киргизами, что еще более увеличило кровопролитие в крае.

Среди этих волнений 10 июня 1794 года умер хан Эрали. До 1795 года в орде была полная неразбериха и не существовало ни какого хана. В начале 1795 года вместо генерала Пеутлинга начальником края был назначен генерал-поручик Вязмитинов, который ознакомившись с состоянием орды, решил назначить в ханы султана Ишима.

20 Октября 1796 года султан-Ишим в присутствии очень немногих киргиз вблизи города Оренбурга был провозглашен ханом Малой орды. Хан Ишим был очень предан русскому правительству и старался восстановить порядок в орде. Он задержал несколько сторонников Сырыма и выдал их русскому правительству, в том числе ближайшего друга Сырым-Батыря киргиза Минбая.

Услышав об этом, Сырым-Батырь на собрании киргиз дал клятву, что он отомстит хану Ишиму, что „кровь Минбая будет возложена на Ишим султана“. Опасаясь мщениа Сырыма, Ишим хан принял все меры предосторожности. Он не удалялся от русских границ, однако это не спасло хана. В ночь на 17 апреля 1797 года Сырым-Батырь во главе ста человек шектинцев на рассвете напал на улусы хана, кочевавшего в пяти верстах от Красноярского форпоста и убил его.

Для поимки Сырыма в степь был послан небольшой отряд уральских казаков, к которым присоединился брат Ишима султан Букей со своими киргизами. Партия Сырыма рассеялась в разные стороны и ловить было некого. Напуганное семейство хана прикочевало к городу Уральску и потребовало для охраны русских войск, так как и здесь не чувствовало себя в безопасности.

**Гибель
Сырыма-Ба-
тыря и побе-
да султанской
партии.**

После смерти Ишим хана султанская партия выдвинула в кандидаты на должность хана султана Каратая, сына хана Нурали от калмычки. Султан Каратай был один из выдающихся киргиз своего времени. Среди других султанов он выделялся своим умом, твердым суровым характером и храбростью. После смерти Ишима большинство представителей казак-киргизских родов подали свой голос за избрание в ханы султана Каратая. Султанская партия подняла его на белом войлоке и провозгласила ханом Малой орды.

В это время начальником края был вновь назначен барон Игельстром, который вернулся к своей возлюбленной идее, учредить в орде представительный образ правления. Быть может он чувствовал свое обязательство, данное народному собранию об упряднении навсегда ханской власти. Барон Игельстром возложил управление ордой на Ханский Совет, председателем которого был избран султан Айчувак, а членами по два старшины от трех главных киргизских поколений. Ханский Совет 8 августа 1797 года был открыт на реке Хобде.

Передача власти Ханскому Совету не удовлетворила ни народной ни султанской партии. Народная партия не могла примириться с тем, что в члены совета были назначены киргизы, ставшие русскими чиновниками, а не избранники народа, и что председателем его назначен был султан из дома Абулхаир-хана.

Султанская партия по прежнему настаивала на восстановлении ханской власти в орде и поэтому тоже была недовольна Ханским Советом.

Поэтому Ханский Совет не был признан ни той ни другой партией, а 29 августа Сырым Батырь в сопровождении тысячи человек своих преверженцев явился на заседание Ханского Совета. В произнесенной речи он сказал: „киргиз-кайсакская меньшая орда в течение семи лет не видит спокойствия и тишины и пришла уже почти в полное разорение. Ныне, чувствуя попечение о ней государя, учреждением правления ханского совета и желая установить тишину и спокойствие в орде и воздержать от набегов на границы российские хищнейших людей, бывшие на собрании киргизы единодушно положили и избрали к сему: алимулинцы—Каракубека, тархана и баиулинцы Сырым батыря, возлагая на них попечение, дабы они впредь каждый в своем роде наблюдали и в случае нужды вспомоществование учрежденному в их орде Ханскому Совету, который один имеет право разбирать и решать вражды“.

Таким образом, народная партия в лице батыря Сырыма внесла некоторые коррективы в положение о Ханском Совете, выдвинув в качестве его членов двух влиятельнейших представителей своей партии которые опираясь на огромное большинство орды, явились бы главными руководителями Ханского Совета.

Тогда представитель султанской партии член совета Карачкай, желая сорвать предложение Сырым-Батыря закричал „агач“.

Ему предоставили слово. Он внес предложение о выборе нового хана. Собрание прервало оратора и не позволило ему продолжать речь. Из толпы послышались угрожающие крики, что султанская партия, не имея повеления императора избрала султана Каратая в ханы. Бывшему на собрании письмоводителю Ханского Совета мутле Гусейнову едва удалось успокоить страсти народного заседания.

Вмешательство Сырым-Батыря и народной партии в дела Ханского Совета совершенно обезличили его членов, назначенных губернатором. Барон Игельстром еще раз убедился, что вторая попытка управлять ордою посредством бюрократических учреждений, каким был создан Ханский совет, не представлялось ни какой возможности. Он приходит к необходимости снова восстановить ханскую власть. Между тем сторонники султановской партии, возглавляемые энергичным султаном Каратаем вступили в решительную борьбу с партией Сырым-Батыря.

В одной из решительных схваток батырь Сырым султаном Каратаем был убит.

Таким образом мы видим, что в конце продолжительной и очень серьезной борьбы, взволновавшей всю казак-киргизскую орду, победу одержала султановская партия.

